

Н. И. ФЕЛЬДМАН

О СПЕЦИФИКЕ НЕБОЛЬШИХ ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЕЙ

Практическая лексикографическая работа приняла в нашей стране очень широкие масштабы: количество словарей, изданных за последние тридцать лет (в подавляющем большинстве Издательством иностранных и национальных словарей), выражается трехзначной цифрой. Основное место занимают двуязычные словари, среди которых возрастает удельный вес словарей, составленных на материале языков, по которым лексикографическая работа проводится впервые. В основном это относится к зарубежным восточным языкам, а также к языкам народов СССР и стран народной демократии. Последнее обстоятельство делает разработку вопросов двуязычной лексикографии проблемой первостепенной важности.

Один из острых вопросов — это вопрос о небольшом двуязычном словаре. Конечно, в этой проблеме ничего специфически «двуязычного» нет, такой ее сделало просто фактическое положение вещей. Небольшие словари (на 25—30 тысяч слов) иноязычно-русские и русско-иноязычные выходили во множестве до сих пор и будут, по крайней мере, некоторое время, выходить и впредь по ряду причин, из которых важнейшие две. Во-первых, когда составляется двуязычный словарь по какому-либо языку впервые вообще или впервые у нас и в нашу эпоху, авторы его, начиная работу иногда буквально на пустом месте, не в состоянии, при уровне данной частной лексикографии, сразу же разрешить такую сложнейшую задачу, как создание так называемого полного двуязычного словаря. Во-вторых, словарь на 80—100 тысяч слов и больше — дело многолетней работы, но как раз тогда, когда словарей по какому-либо языку нет вообще или есть только совершенно устаревшие, время не ждет: словарь нужен быстро. Поэтому вопрос об особенностях небольшого словаря приобретает серьезное значение. Нельзя игнорировать его так, как это сделал Л. В. Щерба, следующим образом выразивший свое отношение к небольшому словарю: «всякий краткий словарь вызывает у серьезных людей в конце концов раздражение»¹, и далее: «Это не значит, чтобы я вовсе отрицал разные небольшие словари для начинающих, для туристов и для других категорий людей, которые не собираются серьезно пользоваться иностранной литературой, но я считаю, что этими типами словарей — ценою подешевле — не следует увлекаться»². Но небольшие словари, как показано выше, создаются у нас вовсе не потому, что кто-то хочет отделаться работой «ценою подешевле», и рассчитаны они отнюдь не на туристов или на людей, для которых иностранный язык только развлечение. Как сказано выше, они появляются у нас в силу серьезных при-

¹ Л. В. Щерба, Опыт общей теории лексикографии. Эюд I. Основные типы словарей, «Известия АН СССР, Отд. лит. и языка», 1940, № 3, стр. 106.

² Там же.

чин и предназначаются для самых серьезных и практически важных целей.

Специфика небольшого словаря определяется двумя моментами: во-первых, ограниченностью лексического материала, подлежащего толкованию или переводу; во-вторых, необходимостью сжатости или неполноты лексикографической (семантической) разработки слова. Настоящая статья посвящена только вопросу об ограничении лексического материала; этот вопрос, в свою очередь, распадается на два: 1) о словнике в узком смысле слова, т. е. об отборе слов и 2) об отборе всякого рода фразеологии. При этом имеются в виду главным образом русско-иностранные словари, однако кое-где высказаны соображения и о словарях иностранно-русских, что каждый раз особо оговаривается. Но и в том, и в другом случае речь идет только о словарях, предназначенных для русских. Ни русско-национальные, ни национально-русские словари языков народов СССР в рассмотрение не включены.

1. Словник

Составление словника небольших словарей представляет собой, по свидетельству Л. В. Щербы, вопрос, «очень волнующий словарные издательства»³, поистине трудный и наболевший, и чем меньше словарь, тем более, конечно, сложный.

Выше уже цитировался отрицательный отзыв Л. В. Щербы о кратких словарях вообще. Добавим еще следующие его высказывания: «с чисто лингвистической точки зрения «научным» надо считать словарь академического или нормативного типа, ибо такой словарь имеет своим предметом... единую лингвистическую систему данного языка. Словарь-справочник⁴ в конечном счете всегда будет собранием слов, так или иначе отобранных, ...более или менее произвольным вырезом из нее»⁵. Однако сам Л. В. Щерба тут же замечает: «На практике мы видим как раз обратное:... среди словарей-справочников есть много таких, которые надо считать совершенными как в смысле научном, так и в смысле практическом»⁶. Но эта высокая оценка не имеет в виду краткие словари. Именно к последним относится указание, что «словник их зависит от того потребителя, для которого словарь предназначен»⁷. Учет запросов потребителя, очевидно, делал, в глазах Л. В. Щербы, маловероятной возможность научной ценности словаря.

Для разрешения проблемы словника надо ответить на ряд вопросов. Может ли представлять научную ценность словник небольшого словаря — от 20 до 30 тысяч слов? В чем эта ценность может состоять? Совместима ли она с практической эффективностью словаря? Каково должно быть практическое назначение словаря?

³ Там же.

⁴ Не могу, кстати, не заметить, что термин «словарь-справочник» представляется мне неудачным и ненужным. Вполне правомерно, конечно, само противопоставление нормативного (иначе — академического) словаря всякому другому ненормативному. Но как можно называть эти другие словари в отличие от нормативного «справочником», если нормативный, как и всякий другой мыслимый в природе словарь, не исключая энциклопедического, в конечном счете существует для справок? Сам Л. В. Щерба пишет «о словарях нормативного типа живых языков», что «там справляются, существует ли в данном языке такое словоупотребление или нет» (стр. 103) (курсив мой. — Н. Ф.). Таким образом, словом «справочник» нельзя определить специфику ни одного типа словарей, и термин «словарь-справочник» приходится признать лишеным конкретного содержания.

⁵ «Известия АН СССР, Отд. лит. и языка», 1940, № 3, стр. 97.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 108.

Вопрос о научной ценности небольшого словаря становится на твердую научную почву благодаря данному И. В. Сталиным разделению лексики на словарный состав и основной словарный фонд. Указания И. В. Сталина на то, что «словарный состав языка, как наиболее чувствительный к изменениям, находится в состоянии почти непрерывного изменения»⁸, что «несмотря на то, что из словарного состава языка выпадает обычно некоторое количество устаревших слов, к нему прибавляется гораздо большее количество новых слов»⁹ и, с другой стороны, что основной словарный фонд «живет очень долго, в продолжение веков»¹⁰ и изменяется медленно — со всей ясностью говорят о том, что вся лексика, характерная для каждой данной эпохи, не может войти в основной словарный фонд, так как иначе невозможно было бы говорить о медленности его изменения, но в то же время какие-то элементы новой лексики отдельных исторических эпох входят в него, так как иначе нельзя было бы говорить ни о каких его изменениях вообще. Определение того, каковы эти элементы, должно стать задачей специальных работ. Для настоящей статьи существенен вопрос: должен ли небольшой двуязычный словарь включать всю лексику, характерную для своего времени, в том числе и «преходящую», требуется ли это его практическим назначением и может ли он в этом случае представлять научную ценность? Положительный ответ будет означать, что небольшой словарь должен ориентироваться именно на современный словарный состав.

Разумеется, назначение краткого двуязычного словаря может быть различным. Но думается, что если небольшой двуязычный словарь является первым по какому-либо языку (вообще или в нашу эпоху), — а сейчас особенно важен вопрос именно о таких словарях, — он должен больше всего учитывать нужды практических работников, связанных с иностранным языком, а значит, в первую очередь обеспечивать возможность чтения и перевода текстов широкого общественно-политического содержания, в частности, общей периодической прессы. Следовательно, в таком словаре должна быть представлена лексика именно со всем тем характерным, что в ней появилось на протяжении последних тридцати лет.

Изменения в русском языке за этот период с исключительной глубиной и точностью указаны И. В. Сталиным. «Изменился в известной мере словарный состав русского языка, изменился в том смысле, что пополнился значительным количеством новых слов и выражений, возникших в связи с возникновением нового социалистического производства, появлением нового государства, новой социалистической культуры, новой общественности, морали, наконец, в связи с ростом техники и науки; изменился смысл ряда слов и выражений, получивших новое смысловое значение»¹¹. Если именно это новое во всей полноте будет выявлено и представлено в словаре, то его состав отразит черты, характерные для определенного исторического момента. Включить соответственные слова, выражения и новые смысловые значения небольшой словарь и может и должен. Этого требует его практическое назначение и это только и может составлять его научный интерес (само собой разумеется, что этой лексикой состав словника не ограничивается; о дальнейшем отборе речь будет ниже).

Из установки на полноту отражения лексики, характерной для опре-

⁸ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1951, Госполитиздат, стр. 24.

⁹ Там же, стр. 25.

¹⁰ Там же, стр. 23.

¹¹ Там же, стр. 6.

деленного исторического момента, вытекает, что краткий словарь не должен служить длительное время — это дело фундаментальных словарей, — а в случае переиздания его словник должен пересматриваться, т. е. и сокращаться и пополняться. Очень важно учесть, что если к моменту переиздания небольшого словаря наряду с ним уже существует другой большой, полный, то и назначение краткого словаря может стать иным, и специфика его состава, какова бы она ни была, может быть выявлена более ярко.

Целесообразна ли подобная установка только для русско-иностранных словарей, или также и для иностранно-русских? Думается, что в основе своей целесообразна. И не только к словарям по языкам стран народной демократии. И. В. Сталин указывает, что «языку, в отличие от надстройки, не приходится дожидаться ликвидации базиса, он вносит изменения в свой словарный состав до ликвидации базиса и безотчетливо к состоянию базиса»¹². «...Язык отражает изменения в производстве сразу и непосредственно, не дожидаясь изменений в базисе»¹³. «Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. И язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами...»¹⁴ Таким образом, всякий язык имеет характерную для данного исторического момента лексику. Трудно себе представить возможность чтения современных иностранных текстов (а для этого иностранно-русский словарь и предназначенся), если он не включает такую лексику иностранного языка с возможной полнотой.

Заметим кстати, что новейшую русскую лексику необходимо давать в русско-иностранных словарях, новейшую иностранную — в иностранно-русских. В словнике последних может быть представлена и новейшая русская лексика, а именно теми словами, которые вошли в соответствующий иностранный язык: например, в японско-русском словаре будет слово *колхоз* — *корухозу*, хотя и не будет слова *скоростник*, необходимого в русско-иностранном словаре, но не в японско-русском, так как в японском языке нет слова с таким понятием, а потому и возможен только распространенный (объяснительный) перевод с русского, никак не характерный для современного японского языка. То же относится к русской лексике, дающейсь в виде перевода. Например, не вызовет возражений, если японское слово *сёсайна*, английское *detailed* и т. п. будут переведены только словами *подробный*, *обстоятельный*, а не словом *развернутый*; но плохо, если русское *развернутый* в этом своем качественном значении, в котором оно в последние годы энергично вытесняет свои синонимы¹⁵, не будет учтено даже в небольшом русско-иностранном словаре.

Как должен строиться отбор из всего остального современного словарного состава языка? Ответ на это вытекает из практического назначения словаря. Поскольку небольшой словарь предназначается главным обра-

¹² Там же, стр. 24 — 25.

¹³ Там же, стр. 11.

¹⁴ Там же.

¹⁵ В «Толковом словаре» под ред. Д. Н. Ушакова этого значения нет, дано только *организованный, предпринятый в широких размерах, широко использованный*, с иллюстрациями: *развернутое наступление, развернутое строительство, развернутая борьба*. Видимо, в те годы (12 лет назад) значение это еще не выявилось. В «Словаре русского языка», сост. С. И. Ожеговым (1949), отдельного слова *развернутый* вообще нет, только при 4-м значении глагола *развернуть*, — *проявить, осуществить в полной мере, в широких размерах*, в числе примеров, иллюстрирующих это значение глагола, дано *развернутые тезисы*. Однако *развернуть тезисы*, кажется, пока все-таки нельзя.

зом для работы над прессой, над текстами общественно-политического содержания, постольку он должен давать полностью общественно-политическую лексику как в новой, так и в старой (но не устарелой) ее части и широко — лексику экономическую (без узко специальных терминов). Но, разумеется, этим словарь не должен ограничиваться; небольшой словарь, являющийся первым по какому-либо языку, не должен превращаться в терминологический или отраслевой. Однако несомненно, что небольшой словарь в силу своих размеров не в состоянии, не снижая практической ценности, быть безоговорочно общим. Оставаясь словарем общего типа, он должен иметь определенный уклон, свой профиль. Выше уже указывалось, что для словарей, являющихся первыми по какому-либо языку, как русско-иностраных так и иностранно-русских, профиль определяется назначением для работы над определенными областями прессы и полнотой включения элементов, характерных для языка последних десятилетий в указанных областях. В словнике этот профиль создается, при основном массиве лексики общего характера (в том числе и самой основной обиходной), с одной стороны, включением новообразований и преимущественным подбором слов и устойчивых сочетаний общественно-политического характера, а с другой, — исключением слов и устойчивых сочетаний неактуальных и имеющих узко бытовое ограниченное применение. Только придание определенного профиля может служить руководящей нитью при составлении словника и тем самым обеспечить и практическую и научную ценность небольшого словаря.

Разумеется, словарь такого профиля не будет пригоден для чтения художественной литературы. Но ведь надо смотреть факту в глаза: при любом отборе слов словарь в 20—30 тысяч слов по языку с богатым словарным составом будет для этой цели недостаточен. Для потребностей перевода художественной литературы надо создавать большие словари, — они и стоят на очереди, следуя за краткими. Что же касается чтения художественных текстов в целях изучения иностранного языка, то до выхода соответствующего большого словаря возможность такого чтения может обеспечиваться специальными пособиями и учебными хрестоматиями с соответствующими подстрочными словарями.

Однако традиционно вопрос о словнике разрешается иначе. В основу его кладется представление о «наиболее употребительной» или «общеупотребительной» лексике. Вот обычные указания в предисловиях: «В словарь включены наиболее употребительные в современном русском литературном языке слова» (Русско-мокшанский словарь, под ред. Потапкина); словарь «содержит наиболее употребительные слова современного русского литературного языка» (Русско-венгерский словарь, сост. А. Хаас, под ред. И. Валковской и К. Майтинской); словарь «содержит в себе общеупотребительные слова литературного и разговорного русского языка» (Русско-португальский словарь, сост. А. К. Владов, под ред. Брандао); словарь «содержит основные и наиболее употребительные в русском языке слова» (Русско-каракалпакский словарь, под ред. Н. А. Баскакова); словарь «содержит общеупотребительные слова литературного и разговорного языка» (Русско-шведский словарь, сост. А. П. Валениус) и т. д.

Не следует думать, что такие формулировки как-либо обоснованы. Общеизвестно, что употребительность, частотность — понятия относительные, зависящие от характера обследуемой речи, т. е. от положенной в основу обследования литературы. Работы по установлению лексического минимума при изучении иностранного языка, давно и серьезно поставленные в педагогической практике, показали, что, «начиная уже со второй тысячи коэффициент повторяемости слов настолько невелик, что не может являться убедительным доказательством в пользу того или иного слова

в данном языке»¹⁶. Очевидно, что, даже проделав громадную по подсчету частотности работу (на деле эта работа не проводится), все же нельзя получить убедительный показатель для отбора 20—30 тысяч слов. В самом деле, как с этой точки зрения может быть оправдано включение в небольшой словарь таких, имеющихся почти в любом русско-иноязычном словаре слов, как *баженбарды*, *баллада*, *бальзам*, *бант*, *бегемот*, *белила*, *пакля*, *пемза*, *пенал*, *пики* (масть), *полуда*, *попона* и т. п. Позволю себе усомниться даже в *абазжуре*, которым начинается (если не считать *а*) почти любой русско-иностранный словарь, да и иностранно-русский, если это слово в данном языке звучит так же. Условность понятия «наиболее употребительный» видна здесь, так сказать, невооруженным глазом.

Но самое главное возражение против принципа отбора слов по «общеупотребительности» состоит в том, что он не может обеспечить должного состава словаря. На это вполне конкретно указывал Л. В. Щерба: говоря о той «громадной работе» по обследованию языка советской прессы, которая была бы «единственным научным разрешением вопроса» (о частотности.—*Н. Ф.*), он добавляет, что «в конце концов и она не решала бы вопроса (о составе словника.—*Н. Ф.*) окончательно, так как в переводном словаре дело вовсе не в употребительности слов вообще, а в потребности при переводах с русского»¹⁷. Общеупотребительные слова охватывают все области природы и человеческой жизни. Но небольшой словарь и не может и не должен охватывать их всех. Именно попытка это сделать, нормальная для большого словаря и только для него практически выполнимая, в кратком приводит к его практической неполноценности, к тому чувству раздражения у пользующегося словарем, о котором говорит Л. В. Щерба. Характерно, что пользующиеся словарем свои жалобы на отсутствие нужного слова или выражения неизменно сопровождают упреками за помещение балласта. Двужычный словарь рассматриваемого здесь типа — не общеобразовательное пособие; он должен быть пригоден как пособие для определенного вида работы. И это его практическое назначение требует включения множества слов, важных для ряда общественно-политических тем, но не являющихся общеупотребительными; с другой стороны, в нем могут отсутствовать слова, не требующиеся характером работы. Это можно пояснить примером. Слова: *собака*, *кошка* входят в обиходную речь и в ряд готовых выражений в силу близости этих домашних животных к жизни человека; слова: *корова*, *лошадь*, *овца* и т. п. могут встретиться в экономическом тексте, касающемся данной отрасли хозяйства; но *бегемот*, *кенгуру*, *зебра* — это лексика, требующаяся в учебнике зоологии или географии (в главе о фауне тропических стран) или в описании зоосада. Однако в практической переводческой работе мало вероятны и статья о зоосаде и разговор о нем, во всяком случае то и другое не может быть первоочередно важным, а обеспечить чтение специальных учебников небольшой словарь не может. Если слова: *обед*, *вилка* употребительны в обиходной речи, а слова *крупа*, *жиры* и т. п. могут встретиться в экономической статье, затрагивающей вопросы питания и снабжения населения, то *ваниль*, которой удивительно везет в наших словарях, и *корица с гвоздикой*, которые несколько в загоне, *душовка*, которую обычно включают в малые словари, и *камфорка*, о которой чаще забывают, — все это слова узкого употребления, включение которых уместно только

¹⁶ «Словарь-минимум» по английскому, французскому и немецкому яз., сост. А. В. Монигетти, И. В. Рахманов, Д. Л. Щерба; предисловие, стр. 60. Обстоятельное предисловие И. Рахманова и Д. Щербы устанавливает основы конструирования словника школьного словаря для начинающих.

¹⁷ Л. В. Щерба, Русско-французский словарь, 1940, предисловие стр. 6.

в большом словаре. Ведь если представить себе, что содержание перевода или разговора потребует слова *ваниль*, все равно обнаружится, что небольшой словарь не дает всей лексики того контекста, в котором это слово с наибольшим вероятием может встретиться. Характерным примером служит традиционное включение в словари названий карточных мастей без названий карт, карточных игр и т. д., тогда как в кратком словаре лишнее и то, и другое, и третье, но уж во всяком случае никакого реального применения не может найти одно в отрыве от остального. С другой стороны, такие слова, как *скоростник*, *лесонасаждение*, *слет*, *селять*, *декартелизация*, *ремилитаризация*, никак не могут попасть в словарь по признаку «наибольшей употребительности» или «общепотребительности»; однако они должны попасть в словарь, — это вытекает из данной выше основной характеристики его профиля.

То или другое слово, не требующее своего включения в словарь по своему прямому значению, может входить в общее употребление в составе идиома или переносно: например, *шакал* как символ подлого хищника, *страус* в выражении «политика страуса». Но в таком случае это словупотребление и должно быть приведено дополнительно к прямому, а если этого не делается, то соответствующее слово с его буквальным переводом остается в словаре мертвым грузом.

Принцип комплексного отбора, опирающийся на практическую задачу обеспечения работы с определенными текстами, может быть положен в основу решения вопроса и о специальной терминологии. Надо осознать бесполезность включения в словарь отдельных, случайно выбранных специальных терминов. Возьмем, например, терминологию лингвистики. Слова *фонема*, *озвончение* могут встретиться только в специальных работах по фонетике. Но если словарь рассчитан на чтение таких работ, то требуется продуманный отбор десятков терминов; а если этого сделать нельзя, то незачем давать и *фонему*. С другой стороны, поскольку двуязычный словарь должен, «не давая всего того, что дают другие словари (толковые и терминологические. — Н. Ф.)», все же подводить читателя к ним, особенно к толковому словарю¹⁸, постольку оправдано включение даже в небольшой словарь тех немногих лингвистических терминов, которые применяются как пометы в толковых словарях соответствующего языка. Таким образом, небольшой словарь (это — без сомнения, но, думается, также и большие), не будучи в состоянии обеспечить чтение специальной литературы, должен в основном ограничиваться той «специальной» терминологией, которая усвоена общим языком и тем самым перестала быть только специальной. Однако такая терминология включается в словарь общего типа именно не как специальная терминология, а на правах слов общего языка. *Штепсель* нельзя отдать только в электротехнический словарь, а *фронт* — в военный. Еще пример: такие названия болезней, как *тиф*, *рак*, *туберкулез*, включаются в словарь потому, что это общепотребительные слова, а не просто медицинские термины. *Простуда*, *кашель* — также обычные слова обиходной речи. Слова *головокружение*, *вывих* употребляются и переносно. Но *колики* или *инсульт* в краткий словарь включению не подлежат, как не подлежит включению никакой собственно медицинский термин, являющийся принадлежностью только специальных медицинских работ. С этой точки зрения, не следует ставить перед составителями словаря задачу включения в словарь «специальной терминологии» вообще, определяя тот или другой процент, который она должна занимать.

¹⁸ Е. С. Истрина, Заметки по двуязычным словарям, «Известия АН СССР, Отд. лит. и языка», т. III, вып. 2—3, 1944, стр. 82.

Но есть известное количество специальных терминов, которые, оставаясь таковыми, попадают в язык общей прессы, поскольку данная область экономики, техники или науки приобретает особое значение: *шагающий экскаватор* шагнул в общую прессу с того момента, как внимание всей нашей страны устремилось на великие стройки коммунизма. Небольшой словарь должен в известной мере учитывать такие слова и словосочетания, являющиеся специальными терминами в узком смысле.

Что же касается тех терминов, которые в своем прямом или переносном значении стали достоянием общего языка, отбор их осуществляется на основе профиля словаря. Конечно, по отношению к отдельным словам вопрос может быть неясен: он не может быть решен по механическим признакам и универсально. Граница слоя специальной терминологии, вошедшей в общий язык, подвижна: она зависит от уровня развития культуры, экономики, техники, а следовательно, она различна как в одном языке в разные эпохи, так и в языках разных народов. Она может быть различна и в силу языкового момента: например, в русском языке *планета* — слово общего языка; в художественной литературе, в частности в поэзии, нередко встречается несколько стилистически приподнятое выражение *наша планета* (ср. у Маяковского: «Для веселия планета наша мало оборудована — надо вырвать радость у грядущих дней»). В японском же языке однозначное слово *рю:сэй* — астрономический термин, столь же специальный, как у нас, например, *астероид*; смысловым и стилистическим эквивалентом выражения *наша планета* в японском языке является слово *тикю*: — дословно *земной шар*. Поэтому если в небольшом русско-иноязычном, в том числе русско-японском, словаре слово *планета* уместно, то в небольшом японско-русском словаре столь же уместно обойтись без слова *рю:сэй* (планета). Как и во всех прочих случаях словарной работы, при конкретном решении вопроса о включении отдельных терминов требуется живое знание и чутье языка, сочетающееся с общим руководящим принципом. Им и в этом случае должно быть, в широком смысле слова соответствие состава словаря его практическому назначению, т. е. отчетливое представление о контексте в широком смысле, о содержании текста или речи, в которых данный термин или слово, стоящее на грани между термином и словом общего языка, имеет вероятность фигурировать, и включения его только при условии обеспечения словарем возможности понимания лексики такого контекста в целом.

Составление словника складывается из двух моментов. Во-первых, — установление принципа отбора слов. Здесь в качестве такого принципа предлагается соответствие словника общественно-политическому профилю словаря и комплексный метод отбора, при четком осознании, что в небольшой словарь должна войти новейшая лексика, характерная для современной эпохи, и что небольшой словарь не может обеспечить перевода художественной литературы. Во-вторых, — самый подбор слов, обеспечивающий полноту требующейся профилем словаря лексики; в процессе этого подбора положенный в основу принцип конкретизируется и уточняется. Общий принцип может быть положен в основу словника словарей разных языков, но конкретный словник составляется по каждому языку в отдельности. В иностранно-русских словарях его делают, конечно, специалисты по данному иностранному языку. А кем должен составляться словник в русско-иностранных словарях? Целесообразно ли, чтобы русский словник составлялся специалистами по японскому, венгерскому или английскому языку, да притом еще каждым в отдельности? Вряд ли нужно, чтобы специалисты по иностранному языку, прямое дело которых давать точный перевод русского материала, были в первую очередь озабочены самым этим русским материалом, т. е. отбором актуальной лексики и, что

очень важно, регистрацией современного словоупотребления, т. е. сложившихся в последние годы устойчивых словосочетаний. Назрел вопрос о создании типового русского словника для русско-иноязычных словарей, и естественно, чтобы именно специалисты по русскому языку выработали такой словник и систематически его пополняли.

Однако вопрос может ставиться именно только о типовом словнике, так как русский словник для русско-иноязычных словарей в частности должен различаться в зависимости от второго языка. Некоторую разницу могут составить слова, требующиеся спецификой быта, культуры и политических условий каждой страны (например, в русско-японском словаре *бататы, берибери, буддизм* и т. п.), но вряд ли их может быть больше нескольких десятков. Важнее другой момент, в котором отчетливо проявляется одно из различий между толковым одноязычным словарем и словарем двуязычным. Толковые словари без особого ущерба в практическом смысле сокращают словник за счет правильно образованных производных. Так, например, отнюдь не краткий «Толковый словарь русского языка», под ред. Д. Н. Ушакова исключил из словника «все наречия, которые образуются от соответствующих прилагательных и значение которых легко выводится из этих прилагательных»¹⁹. В «Словаре русского языка», сост. С. И. Ожеговым, не входят в основной словник, а только приводятся при основном слове, т. е. остаются без объяснения, девять разрядов производных слов, в том числе «относительные имена прилагательные, производные от существительных и обозначающие различного рода отношения к предмету (действию) и свойства или качества, вытекающие из отношения к предмету (действию)», «собственно возвратный залог глаголов»²⁰, наречия и др. Аналогично поступают японские толковые словари. В частности, они, как правило, не включают никаких глаголов, образованных от именных основ с помощью форманта *суру*, хотя такие глаголы составляют не меньше половины всех глаголов современного японского языка (а в публицистическом и научном стиле значительно большую их часть). Двуязычный же словарь может производить сокращение производных только в том случае, если правильному образованию производных в одном языке соответствует столь же правильный, единообразный способ их образования в другом, что бывает отнюдь не всегда. Вот несколько иллюстраций. В японском языке нет возвратного залога; направленность действия на себя выражается лексически и притом многообразно. Поэтому в русско-японском словаре глаголы возвратного залога никак не могут быть исключены. Многообразно передаются в японском языке русские относительные прилагательные. Во-первых, — «различного рода отношения к предмету и действию» могут выражаться в различной форме, во-вторых для выражения одного отношения может существовать не одна форма. Очень широка по значению форма родительного падежа, но этой формой для перевода русского относительного прилагательного можно пользоваться уверенно только в том случае, если и в русском языке прилагательное может быть заменено соответствующим падежом существительного, например: *школьный* (о дворе, о строительстве) — *гакко:-но* (школа — *гакко:*). Суффиксом *тэки*, который образует прилагательные, близкие к русским, образованным суффиксом *-ск*, при слабой выраженности качественного значения, можно уверенно пользоваться только при образовании японских прилагательных от отвлеченных существительных, причем только тех существительных, которые образованы

¹⁹ «Как пользоваться словарем», § 111.

²⁰ «Сведения, необходимые для пользующихся словарем», § 4, п. 5 и п. 9.

из китайских корневых компонентов: *политический* (о вопросе) — *сэй-дзитэки* (политика — *сэйдзи*). Но такие существительные в функции определения часто не требуют грамматического оформления, как прилагательного, а образуют с определяемым сложное слово: *политическое положение* — *сэйдзи-дзэ:тай*. Если же прилагательное имеет значение «с точки зрения чего-либо, в смысле чего-либо», форма меняется: *политический* (о роли чего-либо) — *сэйдзидзэ:но*. Следующие отношения выражаются особыми формами: употребляющийся для чего-либо, в чем-либо, например, *арктический* (об одежде, но не о климате, не об экспедиции) — *кёкутиё:но* (арктика — *кёкути*). Предназначаемый для кого, чего-либо, например, *студенческий* (о журнале, выпускаемом для студентов, а не самими студентами) — *гакусэймукино* (студент — *гакусэй*); *летний* (о помещении) — *нацумукино* (лето — *нацу*). Имеющий форму чего-либо, например, *винтовой* — *расэндзёно* (винт — *расэн*). Имеющий цвет чего-либо, например, *рубиновый* — *когёкусёкунно* (рубин — *когёку*); конечно, если *рубиновый* значит *с рубином*, перевод будет иной. Состоящий по веществу из чего-либо или близкий по характеру вещества к чему-либо, например, *белковый* — *тампакусицуно* (белок — *тампаку*) и т. д. Здесь перечислена только часть возможных «отношений к предмету» и только часть соответствующих им форм в японском языке. Все приведенные здесь прилагательные в словаре, сост. С. И. Ожеговым, исключены из словника как чисто относительные и приведены без объяснений при соответствующих существительных. Стоит относительному прилагательному приобрести качественное значение, перевод его меняется, причем далеко не всегда используется то же существительное: например, *каменный* — состоящий из камня: *исино* (камень — *иси*); о предметах, сделанных из камня: *исидзукуринно*, а в переносных значениях: *иси-но ёна*; *золотой* — и состоящий, и сделанный из золота: *кинно* (или *огонно*), *золотой* по цвету: *кинсёкунно*, а в значении *драгоценный* может быть передано только словом *кинтёно* — *драгоценный*, т. е. *кинно* переносного значения не имеет. Но этим многообразием форм дело не исчерпывается. Некоторое число чисто относительных прилагательных образуется не от существительных, соответствующих русским существительным, а от синонимичных, но самостоятельно не употребляющихся корневых компонентов. Например, хотя *школа* — *гакко:*, но *школьный* в значении — употребляющийся в школе (школьные принадлежности) — *гакуё:но*, *кольцо* по-японски *ва*, а *кольцевой* — *риндзё:но*, и т. д. И наконец, большое количество относительных прилагательных, которые вместе со своим определяемым образуют устойчивое словосочетание, передаются по-японски вместе с определяемым одним сложным словом: *школьный возраст* — *закурэй*, а *школьный работник* — *кё:ин*.

Сказанного достаточно, чтобы убедиться в том, что чисто относительные прилагательные в словнике русско-японского словаря не могут быть исключены все подряд, как это сделано в словнике русского толкового словаря; то же надо сказать о многих других категориях производных слов. В целом это положение справедливо и для других русско-иноязычных словарей.

До известной степени так же обстоит дело и с иноязычно-русскими словарями. Примером может служить вопрос об исключении из японских словарей глаголов с формантом *суру*. Формант этот не привносит в слово никаких дополнительных значений, он только переводит его из одной грамматической категории в другую²¹. Поэтому такие глаголы с легкостью исклю-

²¹ Говоря по существу, формант *суру* возвращает этим словам, образованным из китайских корневых компонентов, их глагольную природу, которую они исконно имели в китайском языке и утратили, будучи перенесены в японский язык.

чаются из словника японских толковых словарей. Но исключить их даже из небольшого японско-русского словаря недопустимо. Небольшой словарь не дает всего основного словарного фонда, но в тематически ограниченном «вырезе из лингвистической действительности» он должен давать по возможности всю относящуюся сюда лексику, сохраняя тем самым правильные пропорции во всех отношениях: исключение глаголов с *суру* создало бы искаженную картину удивительной бедности японского языка глаголами. Кроме того, эти глаголы, имея различные соответствия в русском языке, не всегда вполне понятны без перевода. *Суру* может образовывать глагол и переходный, и непереходный, и не всякое значение имени действия (попеч *actionis*) позволяет понять, каков в данном случае глагол: *кондзэцу* — искоренение, *кондзэцусуру* — искоренять, *хаттэн* — развитие, *хаттэнсуру* — развиваться, а не развивать, *хакай* — разрушение, *хакайсуру* — разрушать и разрушаться, быть разрушенным. Глаголу с *суру* может по-русски соответствовать целое словосочетание: *синдан* — диагноз, *синдансуру* — ставить диагноз, *дзиссэн* — практика, *дзиссэнсуру* — осуществлять на практике (а не практиковать или практиковаться) *тю:и* — внимание, *тю:исуру* и *быть внимательным* и *обращать внимание*. Наконец, значение слова иногда по-русски может быть раскрыто именно в форме глагола, а не имени: *мо:синсуру* — броситься очертя голову, *ринуться*, *ничего не разбирая кругом*. Значение соответствующего имени действия понятно, но настолько трудно выразимо по-русски, что если это слово встретится переводчику в японском тексте в форме имени, то либо предложение в переводе будет перестроено так, чтобы передать соответствующее слово глаголом, либо перевод будет приближенным, что допустимо в контексте, но крайне нежелательно в словаре. Итак, и в иноязычно-русском словаре исключение какой-либо категории производных иностранного языка не может проводиться недифференцированно, хотя бы это и было возможно в толковом словаре данного языка.

Таким образом, отношение к правильно образованным производным неизбежно приводит к серьезному различию в словнике между двуязычным и соответствующим толковым словарем. И, поскольку это отношение определяется вторым языком, вопрос этот не может быть разрешен универсальным образом для словника всех русско-иноязычных словарей²².

Таковы наиболее общие вопросы, касающиеся словника небольших словарей.

II. Отбор фразеологии

Непосредственно к вопросу о словнике примыкает вопрос о фразеологии. Под этим общим названием в практике лексикографии понимаются разнородные вещи: с одной стороны, свободно построенные предложения, иллюстрирующие свободные значения слова, с другой — разного рода устойчивые словосочетания. Эти последние и являются предметом дальнейшего рассмотрения.

²² В связи с вышесказанным надо отметить, что все то, что Е. С. Истрина говорит по вопросу о производных в русско-национальных словарях — о возможности их частичного сокращения (цит. соч., стр. 83), о желательности грамматического объяснения (стр. 95), о включении в словник словообразовательных морфем (стр. 96), — исходит из требований, предъявляемых к русско-иноязычному словарю для нерусских (тогда как в нашей статье, как уже было указано, речь идет только о словарях для русских); поэтому эти положения применимы и к словнику иноязычно-русского словаря для русских.

Одну группу устойчивых словосочетаний по ее исключительной важности для словарей следует выделить особо: это те атрибутивные словосочетания, которые акад. В. В. Виноградов в своей работе «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» назвал «составными терминами»²³. Выражая одно понятие и являясь тем самым эквивалентом слова, неся номинативную функцию, они при определении состава словаря должны учитываться и рассматриваться наравне со словами. Говоря технически, они из фразеологии должны перебраться в словник. Ни один словарь, как бы мал он ни был, делая свой «вырез из лингвистической действительности», не может ограничиваться «словами-одиночками» и упустить из виду эту категорию «эквивалентов слов».

В небольшом словаре подбор составных терминов должен определяться общим профилем словаря, так что какой-нибудь *снежной бабе* или *морской свинке* в нем, конечно, не должно быть места. Но в то же время в любом двуязычном словаре этот подбор в значительной степени зависит от второго языка. В русско-иноязычных словарях для русских составные термины, повидимому, должны быть представлены особенно широко, так как перевод их по большей части представляет затруднения; он не может быть сделан путем свободного перевода компонентов. Так, в русско-японском словаре приходится давать не только те составные термины, компоненты которых в той или иной мере лишены своего прямого значения (типа *железная дорога*), но и такие, в которых каждый из компонентов сохраняет всю полноту смысла (типа *движение за мир*), поскольку они переводятся по-особому: или одним словом (например, *железная дорога* — *таэуддэ*, *общественное мнение* — *ёрон*) или с помощью других компонентов: например, *свобода совести* — *синкё:но дзю:*; дословно — *свобода вероисповедания*, *движение за мир* — *хэйва-ёго-ундо:*; дословно — *движение защиты мира*). Наконец, есть явление, которое по аналогии со «связанными значениями» можно назвать «связанными эквивалентами», а именно: некоторые слова имеют в другом языке эквивалент, соответствующий им только в определенных фразеологических единицах. Например, *гэнрон* является японским эквивалентом для слова *слово* только в двух случаях: *свобода слова* — *гэнрон-но дзю:* и *сила слова* — *гэнрон-но тикара*.

В иноязычно-русские словари, предназначенные для русских, составные термины могут включаться в значительно меньшем количестве, чем в русско-иноязычные. В них можно ограничиваться теми, значение которых не вытекает с наглядностью из значения компонентов. Когда компоненты сохраняют свое прямое значение, составной термин большей частью понятен, даже если один из компонентов и требует особого перевода; например, если *ко:сю:* как определение значит *общественный, публичный*, а *дэнва* — *телефон*, то нетрудно догадаться, что *ко:сю-дэнва* надо перевести *телефон общего пользования*; точно так же нетрудно отождествить японское *хэйва-ёго-ундо:* с русским *движение за мир*. Однако, когда русским соответствием составному термину служит одно слово, в особенности специальный термин, при всей понятности иноязычного сочетания нахождение этого русского слова иногда напоминает процесс решения кроссворда: например, *риэки-хайто:бун* надо переводить не *доля прибылей*, а *дивиденд*. Поэтому и понятные, но переводящиеся одним словом составные термины следует по возможности включать в иноязычно-русские словари. Если же иноязычно-русский словарь составляется с учетом интересов лиц, не знающих русского языка, то, поскольку он должен давать готовые русские переводы, количество составных терминов, подлежащих включению в словарь, резко возрастает.

²³ Сб. «Академик А. А. Шахматов», 1947, стр. 358.

Составные термины создаются в языке непрерывно. Новообразования этого вида чрезвычайно характерны для последних десятилетий. Регистрация их и включение в словарь тех из них, которые затруднительны для перевода с русского языка или для понимания в иностранном, для двуязычных словарей — дело большой важности.

Следующими по важности для краткого словаря являются все те фразеологические единицы — безразлично, единства или сращения, — которые носят служебный характер, т. е. играют роль предлогов и союзов. Общеизвестно, что если есть разряд слов, наибольшая частотность которых подтверждается на любом тексте, то это именно служебные слова. Поэтому есть основания думать, что и выполняющие их роль фразеологические единицы по частоте употребления стоят на первом месте среди всех остальных устойчивых сочетаний. Поэтому даже краткий словарь должен включать «эквиваленты слов» такого характера, как *в силу, с помощью* (чего-либо), *потому что, так как, тем не менее, между тем* и т. п.

Вообще из всех типов устойчивых фразеологических единиц наиболее важны для включения в словарь рассматриваемого здесь типа все те, которые, будучи стилистически нейтральны, входят в основную ткань языка. Это определение вполне подходит к тем двум группам, которые выше были выделены по грамматическому признаку как обязательные для любого словаря: к заместителям существительных, т. е. составным терминам, и предложным и союзным речениям. С другой стороны, нетрудно выделить как лишнюю для небольшого словаря ту идиоматику, в широком смысле этого слова, которая носит просторечный или подчеркнуто разговорный характер и имеет экспрессивную окраску: *оставить на бобах* и *с боку припеку* так же могут оставаться за бортом, как и *объесться белены* или *ноль внимания*. Положение это относится одинаково и к русско-иноязычным и к иноязычно-русским словарям — подобного рода идиоматика есть, надо думать, в любом языке. Небольшой словарь не может включить всего, и, если он ориентирован на тексты и разговор определенного рода, этой идиоматикой можно пожертвовать наиболее безболезненно. Кстати сказать, идиоматика такого рода, вместе с пословицами и поговорками, должна составлять содержание отдельных словарей. Совсем иное дело такие, хотя бы и полностью немотивированные, сочетания, полные сращения, которые лишены специфически разговорной окраски и какой-либо особой выразительности, типа *как раз, то и дело, так себе, мало ли кто* (где и т. д.) и т. п.

Может показаться, что выделение из всей массы устойчивых сочетаний двух групп, как обязательных для любого словаря, по грамматическому признаку, и исключение третьей по стилистическому признаку представляет элементарную логическую ошибку — нарушение основания деления. Но это не совсем так, потому что экспрессивных выражений с просторечной окраской среди первых двух групп не бывает — ведь *чортова кукла* или *мокрая курица*, конечно, к составным терминам не относятся.

Основную массу фразеологических единиц, подлежащих возможно более полному включению в словарь, не считая двух названных выше групп, составляют устойчивые глагольные и атрибутивные сочетания разного рода: представляющие собой перифразу глагола (типа *принять постановление*) и замещающие отсутствующий в языке глагол (типа *принять резолюцию*); давно сложившиеся стертые образы (типа *ставить во главу угла, яблоко раздора, гром аплодисментов*) и новообразования типа *заострять внимание, наращивать темпы*. Такого рода фразеологические единицы, имеющиеся, вероятно, во всех языках, частично затруднительны для понимания в чужом языке, но особенно трудны для перевода на чужой язык: они почти никогда не поддаются свободному переводу

по компонентам, и далеко не все их можно легко заменить синонимичным и свободно переводимым словом или выражением. Поэтому настолько же, насколько писатель должен стремиться избегать этих речевых штампов, двуязычный словарь должен стремиться их охватить. Ведь само превращение этих выражений в штампы свидетельствует об их частой употребляемости; следовательно, переводчику, по всей вероятности, придется иметь с ними дело. Для повышения практической пригодности словаря, особенно русско-иноязычных словарей для русских, расширение фразеологии этого типа не менее важно, чем расширение словника. Во всяком случае практически важнее дать возможность переводчику использовать включенное в словарь нужное слово в нужных контекстах, т. е. в привычных словосочетаниях, нежели включать в словник слова, не соответствующие профилю словаря по лексическому значению или стилистической окраске. С другой стороны, разряд устойчивых сочетаний указанного выше типа, так же как и составные термины, за последние десятилетия подвергся изменениям и пополнился новообразованиями. А при определении профиля словаря уже указывалось, что максимальная полнота тех элементов, которые характерны для современного языка и составляют то новое, что его отличает, и есть именно то, что может придать словарю лингвистическую ценность.

Двуязычный словарь может потребовать включения фразеологии, необходимость которой вытекает из сопоставления двух языков — например, из несовпадения границы слова. Так, в русско-японском словаре приходится давать ряд свободных сочетаний глагола с дополнением или существительного с определением только потому, что им по-японски соответствует одно слово: *вступить в партию* — *ню:то:суру*, *мирное время* — *хэйдзи*. И наоборот, японскому словосочетанию, вполне понятному из значения его компонентов, может соответствовать одно слово по-русски: *дзинко:-но о:й* следует переводить — *густонаселенный*, а не с *многочисленным населением*, *иси-но о:й* — *каменистый*, а не с *многочисленными камнями*. О фразеологии, обусловленной переводческими требованиями, следует говорить особо. Пока можно ограничиться констатацией того, что двуязычный словарь и по составу фразеологии неизбежно должен отличаться от толкового одноязычного; это отличие должно состоять и в наличии свободных сочетаний, требующихся по переводческим соображениям, и в отсутствии иллюстративных примеров, единственная задача которых — показать функционирование слова в каком-либо значении на живом тексте: для иллюстративной фразеологии в двуязычном словаре почти никогда не хватает места.

Учитывая огромную важность для языка всякого рода устойчивых фразеологических единиц и необходимость включения фразеологии, требующейся двуязычностью словаря, надо считать, что понятие «*краткий словарь*» не должно рассматриваться так, как это фактически бывает, когда иные словари в 20—25 тысяч слов не дают почти никакой фразеологии. Словарь с таким количеством слов является «*кратким*» по размеру словника, но это не значит, что допустимо ограничивать до минимума разработку значений слов или связанный с ними фразеологический материал. Бедность разработки приводит к тому, что словарь, в особенности русско-иноязычный, оказывается в известной своей части мертвым списком слов, непригодных к свободному использованию, и не обеспечивает полностью понимания и перевода текста или разговора. С этой точки зрения должно устанавливаться соотношение между количеством слов в словнике и размером словаря в целом. И с этой же точки зрения должно определяться основное направление расширения переводимого лексического материала в средних словарях, следующих за краткими.

III. Размещение фразеологии

Нельзя не коснуться одного достаточно наболевшего вопроса, тесно связанного с включением в словарь всякого рода устойчивых фразеологических единиц — вопроса о том, куда их помещать. Этот вопрос может показаться незначительной технической деталью, однако на деле разрешение его связано с некоторыми принципиальными моментами, и настолько не просто, что, кажется, нет словаря, где был бы до конца выдержан какой-нибудь единый принцип размещения фразеологии, удовлетворяющий и составителей и пользующихся словарем. Нарекания по этому поводу приходится слышать постоянно. Словари обычно умалчивают о принятом в них принципе размещения фразеологии — можно подозревать, что умолчание это объясняется просто отсутствием сколько-нибудь ясно сформулированного принципа. Исключение составляет, кажется, один только «Русско-французский словарь», под ред. Л. В. Щербы, где в правилах пользования сказано: «выражения даны под тем из слов, их составляющих, которое оказывается наиболее характерным для сочетания; так, *легковой извозчик* дан под *легковой*, а *кофейная мельница* под *мельница*»²⁴. Эта формулировка даже для одной проиллюстрированной примером группы устойчивых сочетаний оставляет достаточно места недоумениям. Посмотрим, как она применена на практике. Допустимо предположить, что «характерным» словом в сочетании *спальный вагон* является *спальный*, а в сочетании *багажный вагон*, *жесткий вагон*, *мягкий вагон* — *вагон*. Проверить это предположение удастся только по отношению к последнему сочетанию, так как все четыре имеются под словом *вагон*, а первые три повторно и при соответствующих прилагательных. Сочетания *железная дорога* (какой из двух компонентов считать «характерным»?) нет ни под *железный*, ни под *дорога* — это словосочетание дано в алфавитном порядке по первому компоненту, в ряду отдельных слов, между *железка* и *железнодорожник*; но *политическая экономия* или *красный уголок* такой чести не удостоились и даны дважды под своими составляющими. Дважды под обоими составляющими дан и *Млечный путь*, хотя как будто *млечный* можно было бы назвать «характерным словом». А трехсоставный термин *золотых дел мастер* дан три раза, под каждым из трех компонентов. Примеры взяты наудачу, их нетрудно умножить. Все это — картина, знакомая по многим словарям, и для освещения ее взят именно русско-французский словарь только затем, чтобы показать, что и сформулированный в предисловии принцип однократного помещения устойчивых сочетаний не мог послужить опорой для составителей словаря.

Приходится слышать и другие предложения: помещать устойчивые фразеологические единицы под «опорным» словом; помещать их под первым компонентом. Ниже делается попытка показать, во-первых, что никакого удовлетворительного общего правила нельзя создать — размещение фразеологических единиц должно определяться их типом; во-вторых, что утверждение, будто бы двукратное помещение всякой фразеологической единицы есть небрежность или излишество, неправомерно. Помещение устойчивых сочетаний под каждым из их составляющих во многих случаях требуется самой сущностью двуязычной лексикографической работы. Для доказательства этого положения ниже рассматриваются некоторые фразеологические группы.

Среди глагольных устойчивых сочетаний можно по их значению выделить такой разряд: сочетания существительного с глаголом, обозначающие действия, представление о которых прочно связывается с данным существительным. Они в свою очередь делятся на две группы.

²⁴ «Русско-французский словарь», «Структура словаря», 1940, стр. 8.

В первой группе существительное является отглагольным или глагольным — типа *решение* или *меры* ²⁵, а сочетание означает осуществление действия, выраженного этим существительным: *принять решение*, *принять меры*. Часть этих сочетаний представляет собой перифразу глагола: *принять решение* равно *решить*. Такое глагольное сочетание является как бы расщеплением синонимичного глагола на две части: одну, выражающую его лексическое значение — имя, и другую, выполняющую его грамматическую функцию — глагол. Нельзя не заметить, однако, что и заменимость глагольного сочетания глаголом и их синонимичность ограничены. В одних случаях имя, благодаря возможности определения прилагательным, допускает более широкую характеристику действия, чем это позволяет наречие при глаголе. Поэтому хотя *одержать победу* равносильно *победить*, но *одержать полную победу* вряд ли поддается замене через *вполне победить*, а *вести интересную переписку* и вовсе нельзя заменить на *интересно переписываться*. В других случаях глагольное сочетание просто не вполне синонимично глаголу: *положить конец* не то, что *кончить*, *закончить* и даже не совсем совпадает с *покончить с* (чем-либо); *ставить условия* не то, что *улавливать*. Такие сочетания, следовательно, не могут быть причислены к простым перифразам глаголов. Но так или иначе, рядом с одной частью таких глагольных сочетаний стоят относительно синонимичные глаголы, рядом с другой таких глаголов нет. В последнем случае глагольное сочетание как бы замещает отсутствующий в языке глагол: *постановление* и *резолюция* почти синонимичны, но *принять постановление* равносильно *постановить*, а *принять резолюцию* — глаголом незаменимо. Однако в одном отношении все эти глагольные сочетания одинаковы: глаголы в них более или менее лишены лексического значения. На это явление в целом давно уже обращено внимание. Так, Г. Винокур отметил, что «в известных условиях реальное значение глагола выветривается и глагол превращается в несамостоятельное слово, приобретает все признаки формального элемента речи... Сюда же относятся некоторые окаменевшие глагольные метафоры, вроде «вести переговоры», «принять меры» и длинный перечень других переходных глаголов, не имеющих конкретного смысла без своих субъектов и дополнений» ²⁶. Эта «семантическая ущербность», как ее называет Г. Винокур, не всегда превращается в «оцущоженность». Однозначность сочетаний *принять резолюцию* и *вынести резолюцию* свидетельствует о полной потере лексического значения глагола. Резолюцию и *принимают* и *выносят*, приговор только *выносят*, предел и *кладут* и *ставят*, начало и конец только *кладут*, ограничения и условия только *ставят* — всё это служит иллюстрацией к тому, как несущественно лексическое — и прямое, и переносное — значение глагола в этом их употреблении. Вероятно, в истории языка применение именно данных глаголов для обозначения данных действий находит себе объяснение, но для современного сознания оно немотивировано, и поэтому вряд ли удачно называть такие глагольные сочетания «окаменевшими метафорами». В других случаях лексическое значение глагола более или менее ощутительно, например, в сочетании *обратить внимание*. Все же, если сопоставить его с ролью глагола в выражениях *обратить энергию на что-либо*, *обратить всю свою любовь на кого-либо*, заметно, что в первом

²⁵ «Если эти слова (например, *игра*, *смотр*, *борьба*) и не отглагольные, то во всяком случае все же глагольные, так как именно глагольным является их корневое и вещественное значение и никакого отличия в этом отношении между ними и отглагольными словами провести нельзя». Г. Винокур, Глагол или имя, Сб. «Русская речь», III, 1928, стр. 79.

²⁶ Там же, стр. 77.

случае лексическое значение ослаблено. И в самом деле, во втором и третьем случаях *обратить* заменимо через *направить*, в первом случае это возможно только в значении *обратить чье-либо внимание на что-либо*, но не в значении *заметить* — а именно в этом значении *обратить внимание* означает осуществление действия, обозначенного существительным, и только ради него это глагольное сочетание здесь отмечено.

Во второй группе таких глагольных сочетаний существительное обозначает предметное понятие, а все сочетание означает применение предмета по назначению. Часто такие сочетания являются свободными, и, следовательно, их нельзя назвать устойчивыми, а можно только, благодаря частоте употребления, отметить как обычные, повторяющиеся. В таких случаях глагол в них вполне лексически полноценен, как например, в сочетаниях *пить чай*, *слушать радио*, которые отличаются от всякого другого свободного сочетания глагола с дополнением только тем, что они дали жизнь существительным *чаепитие* и *радиослушатель*. Однако в некоторых случаях и в таких сочетаниях лексическое значение глагола бывает ослаблено. Например, в сочетании *бежать на коньках* возможность заменить глагол *бежать* глаголом *кататься*, не меняя значения сочетания в целом, показывает некоторый перевес значения существительного, благодаря чему точное представление о действии создается только взаимодействием обоих компонентов. А *ставить* в сочетаниях *ставить термометр*, *ставить горчичник*, *ставить самовар*, *ставить паруса* значит только *сделать то, что требуется, чтобы предмет мог быть применен по назначению*, причем конкретный характер действия понятен только в соединении с дополнением. Лексический вклад этого глагола в значение сочетания в целом неизмеримо меньше, чем в случае *кататься на коньках*, однако это и не такая грамматическая часть сочетания в целом, какой является *вести* или *дать* в перифразах глаголов *переписываться* и *сигнализировать* — *вести переписку* и *дать сигнал*. Все же нельзя не отметить, что в сочетаниях второй группы, т. е. там, где существительное имеет предметное значение, случаи лексической ослабленности глагола редки.

Для двуязычного словаря устойчивые сочетания этого типа интересны постольку, поскольку, в отличие от свободного сочетания лексически полноценных глагола и дополнения, они не могут быть переведены дословно; по отношению к первой группе это бывает как правило, а по отношению ко второй — частично. Соответственно преобладающей лексической роли существительного, сохраняющего свое значение и свой постоянный перевод, невозможность дословного перевода касается только глагола. Так, русским сочетаниям такого рода с глагольным или отглагольным существительным в японском языке часто соответствуют просто глаголы, образованные именем, которое является эквивалентом русского существительного, и глагольным формантом *суру*, например, при лекция — *ко:ги*, читать лекцию — *ко:гисуру*, при борьба — *то:со*, вести борьбу — *то:со:суру* и т. п. Кстати сказать, такое соответствие естественно, так как и русские глаголы в этих случаях, как упомянуто выше, служат при существительном грамматическим привеском. Только в русском языке таких глаголов несколько: *принять*, *вести*, *дать*, *ставить*, *оказывать* и т. д., а в японском есть один почти универсальный — *суру*. Но случается, что такому русскому глагольному сочетанию соответствует аналогичное японское, в котором дословно повторено только существительное, например: *принять меры* — *сэти-о ко:дзуру* (основное значение *ко:дзуру* — делать ясным) *отдавать приказ* — *мэйрэй-о кудасу* (основное значение *кудасу* — спускать, ср. современное — *спускать директивы*, однако в этом русском выражении глагол

имеет гораздо более полноценное лексическое значение), *приводить пример* — *рай-о агэру* (основное значение *агэру* — поднимать).

При сопоставлении русских и японских глагольных сочетаний с предметным существительным оказывается, что значительная часть их в обоих языках представляет собой свободные сочетания, а в другой части лексически неполноценным или связанным глагол оказывается в каком-либо одном языке. Так, сочетанию *играть в шахматы* с полноценным русским глаголом *играть* соответствует в японском *сэги-о уцу*, где *уцу* лишено полновесного лексического значения (об *уцу* см. ниже); обратное соотношение глаголов имеет место в сочетаниях — *ставить банки* и *кю:каку-о цукэру* (*цукэру* дословно — прикладывать).

Все устойчивые сочетания этого типа, в которых глагол не переводится свободно, должны быть помещены в словарь. Но где? При каком слове?

Первый ответ: при существительном. Не потому, что они что-нибудь прибавляют в отношении раскрытия значения существительного или его эквивалентов в другом языке. Но потому, что они представляют собой один из наиболее частых случаев его употребления, один из самых его распространенных контекстов. Не дать при слове *внимание* — *обращать внимание*, при слове *вопрос* в одном его значении *задавать вопрос*, в другом *ставить (поднимать) вопрос*, при слове *шахматы* — *играть в шахматы* — это значит обречь пользующихся словарем на то, чтобы сотни раз искать нужное сочетание в другом месте, часто при глаголе, имеющем несколько значений, входящем в целый ряд устойчивых сочетаний, где как раз данное сочетание не так быстро можно отыскать (да хорошо еще, если пользующийся словарем догадается его искать, а не воспользуется переводом глагола в его прямом значении). Поэтому, с практической точки зрения, устойчивые глагольные сочетания, лексическим центром которых является существительное, надо давать при существительном. Да так это обычно в словарях с мало-мальски развитой фразеологией и делается.

Второй ответ: при глаголе. Эти сочетания непосредственно касаются раскрытия значений глаголов, в особенности тех из них, которые широко применяются для «обслуживания» существительных. Сочетания *принять решение*, *принять меры*, *принять участие*, *ставить в связь*, *ставить вопрос* и т. д. могут и должны целиком разойтись по соответствующим существительным. Но можно ли дать правильное представление о системе значений глагола *принять*, об его жизни в языке, если умолчать о том, что он «с некоторыми существительными образует сочетания со значением „произвести какое-нибудь действие“... в соответствии со значением существительного»?²⁷ И если учесть, что русско-иностраный словарь дает эквиваленты русского слова, а в этих сочетаниях *принять* переводится, например, на японский язык различно, то можно ли, не приводя их, дать полное представление о японских эквивалентах глаголу? В отрыве от дополнений нельзя даже отчетливо представить себе смысл таких двух отдельных (и даже не рядом помещенных) значений глагола *ставить*, как: 1) «В предложном сочетании с некоторыми существительными обозначает действие, соответствующее значению существительного» и 2) «В сочетании с некоторыми существительными употребляется в значении «делать, производить» (то, что указывает существительное)»²⁸.

²⁷ «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, *принять*, знач. 10-е. Пропущены слова *или подвергнуться какому-либо действию*, так как их следовало бы выделить отдельным значением — по лексической весомости глагол заметно различается в употреблении, которым иллюстрировано это значение, как *примешь ты смерть от коня своего*, *принять крещение*, и таком, как *принять меры*.

²⁸ Там же, *ставить*, знач. 10-е и 13-е.

В сочетании с предметным существительным глагол может иметь более конкретное, но связанное значение. Акад. В. В. Виноградов определил связанные значения как такие, которые «могут проявляться лишь в связи с строго определенным кругом понятий и их словесных обозначений»²⁹. Естественно, что этот строго ограниченный круг и должен быть в словаре указан. Указание на возможные дополнения особенно важно в одном случае. В «фразеологических группах, образуемых реализацией несвободных, связанных значений слов»³⁰, можно различить разное лексическое соотношение компонентов. В сочетании *беспросыпное пьянство* лексически полновесны оба слова, хотя первое имеет узко ограниченный круг употребления. Слова *потупить*, *зажмурить* понятны и без дополнений. Если вспомнить выражение *как его забрало*, то видно, что в сочетаниях *тоска берет*, *злота берет* и т. д. значение целого складывается из значения частей. Но иное дело со связанными значениями, например, глаголов *снимать*, *разбивать*. Утверждение, что *снимать* значит *изготавливать*, а *разбивать* — *устраивать* вызывает мгновенный внутренний протест, который снимается напоминанием дополнений: для *снимать* — мерку, отпечаток, слепок, копию, план и т. п.; фотографию; для *разбивать* — палатку, лагерь, сад, грядки и т. п. Пожалуй, допустимо утверждение, что *снимать* не значит *изготавливать*, точнее, что не *снимать* значит *изготавливать*, а фразеологические сочетания *снимать копию*, *снимать слепок* и т. д. значат *изготавливать копию*, *изготавливать слепок* и т. п. Другими словами, глагол в этих сочетаниях лексически всецело живет за счет своих дополнений. Только поглотив одно из них (*фотографию* в первоначальном сочетании *снимать фотографию*), он зажил второй, полной и свободной жизнью. Как же можно дать представление об этой роли глагола *снимать* и о его японских эквивалентах, если полностью р-а-д-а-т-ь эти фразеологические сочетания по существительным?

Итак, на вопрос, где помещать такие сочетания, даются два ответа, или вернее один ответ — помещать их два раза: и при существительном, и при глаголе. Конечно, повторность таких сочетаний можно несколько сократить. Во-первых, иногда можно не давать их при существительных, (например, их можно безболезненно опустить при некоторых из приведенных дополнений глаголов *снимать* и *разбивать*); во-вторых, часто можно ограничиться при глаголе ссылкой на возможные дополнения, при которых эти сочетания даны. Но хотя бы в такой форме повторение их при глаголе большей частью необходимо; сделать это — значит раскрыть полностью значение глагола и сосредоточить в одном месте его переводы или хоть указание на них. Дать их при существительном — значит сэкономить время пользующегося словарем, который в противном случае должен будет листать словарь в поисках того, что он естественно ждал найти при соответствующих существительных. Об экономии таких потерянных минут, складывающихся при долговременном пользовании словарем тысяч людей в целые «человеко-часы», забывают незадачливые ревнители экономии бумаги за счет качества словаря, поднимающие крик из-за повторения в словаре любого фразеологического сочетания.

Сказанное нельзя не проиллюстрировать на материале иноязычно-русского словаря. Так, в японском языке имеется несколько глаголов, которые в японских толковых словарях отличаются особой многозначностью: им приписывается до тридцати значений. Основное значение каждого из них — обозначение того или иного жеста. Фактически сами по себе эти глаголы имеют весьма небольшое число свободных или связанных

²⁹ В. В. Виноградов. Цит. соч., стр. 360.

³⁰ Там же, стр. 362.

значений; главным же образом они употребляются в сочетании с рядом дополнений; глаголы здесь являются более или менее лексически ущербными, обозначая различные действия, реальный характер которых зависит от значения дополнения. В зависимости от большей или меньшей утраты лексического значения (прямого или переносного — безразлично) глагол в таких сочетаниях выступает либо почти как оглаголивающий привесок, либо все сочетание является идиоматическим.

Например, глагол *какэру* имеет следующие свободные значения: *вешать, навешивать, покрывать, накрывать* (чем-либо); *посылать, обрызгивать* (чем-либо); *взвешивать* (на весах); *умножать* (математически); *садиться* (о человеке); *тратить* (только «время» и «деньги».) Помимо этого, *какэру* входит в ряд устойчивых сочетаний, как-то: *вана-о какэру* — *ставить ловушку* (существительные всюду переведены дословно); *дзэй-о какэру* — *облагать налогом*; *демпо:-о какэру* — *посылать телеграмму*; *дэнва-о какэру* — *звонить по телефону*; *ёбидаси-о какэру* — *посылать вызов*; *икари-о какэру* — *бросать якорь*; *киган-о какэру* — *возносить молитвы*; *котоба-о какэру* — *обращать слова к кому-либо, заговаривать с кем-либо*; *куро:-о какэру* — *доставлять волнения и заботы*; *мэндо:-о какэру* — *доставлять беспокойство*; *надзо-о какэру* — *задавать загадку*; *насакаэ-о какэру* — *иметь к кому-либо симпатию (насакаэ дословно чувство)*; *нодзоми-о как эру* — *возлагать надежды*; *самэ-о какэру* (устарело) — *устанавливать осаду*; *тои-о какэру* — *задавать вопрос* и др. Что это именно основные действия, связанные с дополнениями, видно из того, что многим из вышеприведенных сочетаний в других языках, например, в русском, соответствует глагол того же корня, что и существительное: *облагать, телеграфировать, телефонировать, вызывать, молиться, волновать, заботить, беспокоить, загадывать, симпатизировать, надеяться, осаждают, спрашивать*. Включать в словарь эти сочетания заставляет невыводимость их значений из свободных значений глагола; помещать при существительном — исключительно частое употребление существительного с данным глаголом (поскольку с его помощью выражается основное действие, с ним связанное). Но ясно, что совсем не упомянуть об этих сочетаниях при глаголе, значит не дать представления о его характерной роли в языке. Еще хуже приписать ему как свободные те значения, которые он приобретает только в сочетании, рядом с соответствующим дополнением. Так обычно поступают японские толковые словари, например, один из лучших толковых словарей «Дзиэн», под редакцией Симмура, в котором глаголу *какэру* приписано 25 значений. Так же вслед за японскими толковыми словарями и японо-английские словари. Например, один из лучших — Такэнобу — попеременно со свободными значениями *какэру* дает следующие: 8. hire, engage, call; 10. set, lay (a trap); 12. give (a person trouble) и т. д. Очевидно, что даже если связанность этих «значений» оговаривается, это все же дает неверное представление о глаголе. Поэтому нехороша и такая форма разработки: *ставить* (ловушку); *посылать* (телеграмму, вызов); *звонить* (по телефону); *бросать* (якорь); *задавать* (вопрос, загадку) и т. д. Такая форма дает превратное представление о лексической самостоятельности в этих сочетаниях не только японского, но и русских глаголов (это особенно ощутительно на глаголе *задавать*). Поэтому при невозможности полностью перечислить при глаголе эти сочетания следует указать: «образует с некоторыми существительными сочетания, которые означают *произвести действие в соответствии со значением существительного* — см. *вана, дзэй, демпо:, дэнва* и т. д.»; это не только даст правильное представление об одной из лексических функций этого глагола, но и откроет возможность понять его применение в аналогичных сочетаниях, не вошедших в словарь.

Почти такую же роль, как *какэру*, играет глагол *уцу*, основное значение которого *бить, ударять*. Однако в устойчивых сочетаниях его лексическое значение гораздо ярче, чем значение глагола *какэру*. Характер обоих глаголов можно проиллюстрировать сопоставлением трех однозначных сочетаний: *дэмпо:-о уцу*, *дэмпо:-о какэру*, *дэмпо:-о окуру* — *посылать телеграмму*. В последнем глагол *окуру* — *посылать* применен в своем прямом свободном значении. В первом глагол *уцу*, аналогичный русскому глаголу *бить* в сочетании *бить тревогу*, применен в первоначальном прямом смысле — *отстучать телеграмму*, что получило значение *дать телеграмму*³¹. Наконец, во втором случае применен лексически ущербный глагол, с общим значением «произвести действие в соответствии со значением дополнения». Сочетания с *уцу* тоже естественно дать при существительном и повторить, хотя бы в виде ссылки на эти существительные, при глаголе, по основаниям, изложенным выше при анализе глагола *какэру*.

Теперь рассмотрим вопрос о составных терминах с точки зрения возможности их двукратного помещения в словарь.

Не только в русско-французском словаре Л. В. Щербы, но и в других словарях, в частности, в русско-японском, сочетания *спальный вагон*, *багажный вагон*, *жесткий вагон* и *мягкий вагон* даны дважды, под обоими составляющими. Почему? В русско-японском словаре они помещены под существительным потому, что слово *сарё:*, которое приведено как первый перевод слова *вагон*, является техническим термином, употребляющимся в железнодорожном деле. В тексте общего характера для перевода слова *вагон* надо прибегать к словам, обозначающим более узкие понятия — отдельные виды вагонов. На это указывает, во-первых, соответствующая помета при слово *сарё:*, во-вторых, два следующих перевода *кякуся* и *кася* с обратным переводом в виде пометы *пассажирский* и *товарный* и, в-третьих, наличие тут же шести японских слов, соответствующих русским сочетаниям: *спальный вагон*, *багажный вагон* и т. д. При прилагательных *спальный* и *багажный* эти сочетания помещены вторично вот почему: оба эти прилагательные имеют очень узкий круг применения, т. е. возможны при малом числе определяемых; между тем их перевод в изолированном виде не обеспечивает ни одного из основных случаев их употребления. Если *спальный вагон* — *синдайся*, *спальное место* — *синдай*, а *спальные принадлежности* — *ягу*, то давать изолированный перевод слова *спальный* лишнее, а дать его и ограничиться этим, значило бы просто не понимать задачи переводного словаря. Что касается слова *жесткий*, то в данном сочетании оно применено несвободно, а в таком случае, как обычно, требуется особый перевод. Давая переводы этого прилагательного в его свободных значениях, естественно тут же дать и японские соответствия в одном из очень ходких случаев его применения, в котором этими переводами воспользоваться нельзя. Таким соответствием оказывается слово, служащее переводом русского сочетания в целом и, кстати, вскрывающее и синекдоху в сочетании *жесткий вагон* — *ко:сёся* — дословно *вагон с жесткими постелями* (ср. франц., *wagon à banquettes non rambourrés*) соответственно *мягкий вагон* — *нансёся*.

На этом примере видна основная причина двукратного помещения составного термина: потребность при каждом из составляющих показать

³¹ Кстати, такой фундаментальный словарь, как «Даигэнкай» под ред. Оцуки, дает значение *окуру* — *посылать*, как одно из 29 значений глагола *уцу*. Не лишено интереса, что и по-русски сочетания с глаголом *бить* — такие, как *бить шерсть*, *бить монету* и как *бить тревогу*, *бить отбой* — отличаются от сочетаний типа *ставить вопрос* и *класть предел* большей лексической полновесностью глагола, и что некоторые из этих последних глаголов в своем прямом значении тоже означают жест — *ставить, класть, поднимать*.

круг его применения и дать все те иноязычные эквиваленты, которые обеспечивают возможность перевода данного слова в реальном контексте. При этом в иных случаях каждый из составляющих сохраняет свое значение и эти сочетания ничего не прибавляют в смысле его раскрытия (*багажный вагон*), в других случаях перевод сочетания предупреждает возможность неправильного понимания, а следовательно, и перевода данного компонента в сочетании (*жесткий вагон*).

Очевидно, что если составному термину в одном языке соответствует в другом языке одно слово, то следует приводить этот термин под каждым из составляющих. Толковые одноязычные словари могут ограничиваться ссылкой, но в двуязычном словаре при переводе одним словом, очевидно, проще повторить сам перевод, чем сделать ссылку. Если, как это часто бывает, только один из составляющих меняет свое прямое значение или постоянный перевод, то можно ограничиться помещением составного термина один раз, а именно при этом составляющем: *свобода совести* только под *совесть*, что соответственно значению второго слова в данном случае переводится *синкё:-но дзию*; т. е. *свобода вероисповедания*; *свобода слова* только под *слово*, так как хотя значение этого слова не меняется, но японский эквивалент у него в этом случае особый: *гэнрон-но дзик*:. Если будет проведен последовательно принцип неуклонного приведения подобных сочетаний по крайней мере при том из составляющих, для перевода которого в данном сочетании нельзя воспользоваться его постоянным переводом, то пользующийся словарем может иметь уверенность, что отсутствие какого-либо составного термина (из круга лексики, охватываемого словарем) означает возможность его дословного перевода.

Такие же мотивы могут толкать на двукратное помещение и образных единств и сращений, в особенности тех, которые носят характер служебных или вспомогательных слов и в силу этого широко употребительны. То, что *по крайней мере* представляет собой сращение, надо указать при разработке слова и *крайний и мера*, поскольку этим определяется один из специфических и частых случаев применения и того, и другого слова. В особенности следует это сделать тогда, когда такое сращение переводится одним словом, как например, по-японски *по крайней мере* — *сукунакутомо* или *самэтэ*.

Нельзя не привести одного добавочного соображения в пользу двукратного помещения подобных единиц. Существуют слова, являющиеся центром богатой идиоматики, например, в русском языке слово *язык*, в японском — *кути* — *рот*. Конечно, эту идиоматику надо сосредоточить при таких словах, так как она обрисовывает их особую роль в языке. Но именно потому, что идиомов при них очень много, при работе над текстом как раз нужный бывает трудно отыскать. Вторичное помещение под вторым составляющим облегчает пользование словарем. Вдобавок этот второй составляющий иногда бывает менее употребительным словом, и пользующийся словарем скорей справится о значении именно этого слова в чужом языке, может быть, и не подозревая в нем идиоматического выражения. С этой точки зрения, в случае необходимости ограничиться ссылкой, такую ссылку иногда целесообразнее делать при основном слове.

Но вообще при необходимости, по соображениям экономии бумаги, ограничиваться однократным помещением таких фразеологических единиц, трудно найти какое-нибудь общее правило такого ограничения, и менее всего приемлем механический принцип помещения сочетаний по первому их элементу. Например, выше уже было замечено, что если какое-либо слово резко выделяется обилием идиоматических выражений, в которые оно входит, то естественно сосредоточить при нем все идиомы, независимо от того, является ли данное слово в нем первым или вторым,

будет ли это *прикусить язык* или *язык не поворачивается сказать*. Вообще, когда в такой фразеологической единице есть слово, которое по своей лексической полновесности господствует над всем сочетанием, так сказать, «опорное» слово, оно как бы притягивает к себе это сочетание: *яблоко раздора* не есть вид яблока, и все выражение естественно видеть при слове *раздор* (хотя и при слове *яблоко* хочется упомянуть о нем именно потому, что этот составляющий теряет свое прямое значение). Но в выражении *спор из-за выеденного яйца—выеденный*, применяя термин Л. В. Щербы, такое «характерное» слово и такое малоупотребительное, что в любом словаре оно и нужно только для этого выражения, которое и надо дать при нем. (Кстати, вот случай, когда ясно, что человек, слабо знающий русский язык, будет искать слово *выеденный*, а не *спор*). Наконец, если в фразеологическую единицу входит только одно знаменательное слово, естественней давать сочетание под ним, чем под частицей: *тем не менее* под *менее*, а не *то*. Таким образом, при однократном помещении фразеологических единиц их место может определяться различными моментами, а поэтому составитель или редактор словаря должен решать этот вопрос особо для каждого случая, конечно, руководствуясь общими соображениями, но в то же время и опираясь на свое живое знание и чутье языка.

Таковы самые общие соображения о рациональном ограничении, размещении и специфике лексического материала в наших современных небольших двуязычных словарях.
